

Татьяна Парамонова

Место действия – ГОРОД

Рассказы

18+

Татьяна Парамонова

Место действия — город

«Автор»
2026

Парамонова Т.

Место действия — город / Т. Парамонова — «Автор», 2026

Город в этом сборнике рассказов — не фон, а полноправный герой. Он собирает воспоминания в единый узор и диктует свой ритм. Отсюда и особая интонация текстов: в них живёт ностальгия и звучат современные голоса.Действие происходит не только в Москве, но и в других городах — в их узких переулках, на шумных площадях, в тихих дворах. Мы смотрим на всё взглядом жителя мегаполиса: здесь есть привычка замечать детали, различать естественное и рукотворное, чувствовать скорость и слышать тишину среди шума.

© Парамонова Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Эстер 5
Парижские мужчины 10
Загс — это не мое! 23
Кресло 30
Моя Венеция 34
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Место действия — город

Эстер

Для своих восьмидесяти семи она выглядела прекрасно. Элегантная стрижка, свежий маникюр в благородном неброском цвете. Вместо классического пальто — легкий современный пуховик. Быстрая походка словно отражала настроение: Эстер возвращалась домой из большого книжного, и в сумке у нее лежало новенькое пособие: «ЕГЭ по математике. Профильный уровень. Сорок тренировочных вариантов». Вот сейчас придет, пообедает и примется за тесты, привычно перекатывая в пальцах остро отточенный «Кохинор».

Она с детства любила точные науки. Ну, может быть, не с самого раннего детства…

***

В четвертом классе Эстер никак не могла справиться с арифметическими задачами. «Два эшелона вышли навстречу друг другу из разных городов. Расстояние между городами 250 километров, через сколько часов они встретятся, если скорость...»

Эшелоны… Эстер почти не помнила, как они с мамой и двенадцатилетним Витькой, маминым племянником, бежали в Москву из места службы отца, на границе с Польшей. Двадцать второго июня кавалерийский полк стали бомбить еще до того, как по радио объявили о начале войны. Отец успел сказать: «Берите документы и первым же эшелоном уезжайте! Делайте, как все». А сам вскочил на коня и унесся на работу. На работу — так называл он службу… Эстер было три года, отцу — двадцать семь. Больше она его никогда не видела. В тот день их полк сравняли с землей, а позднее пришло лишь извещение: «Без вести пропал…»

Они добирались две недели. Когда эшелон бомбили, выбегали и ложились в поле. Не всегда удавалось вернуться в вагон — мест не хватало. Пересаживались в другой поезд, подолгу ждали на разъезде.

Однажды Эстер чуть не потерялась. Толпа нахлынула, увлекла ее за собой, а потом разошлась — рядом не оказалось своих! Девочка шла и оглядывалась: где же мама?

Вдруг чьи-то крепкие руки подхватили ее и подняли над головами:

— Чья девочка?! Маленькая беленькая девочка!

Как она нашлась, Эстер не помнила. Но после этого мать уже не разжимала руки. Было больно — мать быстро тащила ее куда-то, а Витька бежал следом, волоча их узлы.

Но они все-таки добрались — все целые и невредимые. Витька, самый младший брат матери, снова вернулся домой — в Напрудный переулок к бабушке Марии. Так неудачно завершилось его лето в Польше. А как гордо он собирался на каникулы к «взрослой» сестре и ее мужу, хвастался перед мальчишками…

Эстер с матерью поселились в двенадцатиэтажном ведомственном доме на набережной, как семья офицера, поскольку отец был выпускником Краснознаменной академии имени Фрунзе.

Служебная квартира оказалась коммунальной, но небольшой — всего с одними соседями. Располагалась она на втором этаже, что было очень удобно: даже лифт не требовался. Мебели в комнате было немного: диван с откидными валиками и кожаной спинкой в деревянной раме, буфет с красивыми застекленными дверками и деревянные стулья. На каждом предмете — овальные бирки с инвентарными номерами. Окно комнаты выходило на Москву-реку. Эстер любила забираться на широкий гранитный подоконник и смотреть вдаль, на противоположный берег. Особенно по вечерам, когда включался закат. Небо над рекой наливалось то теплым золотом, то становилось бархатно-лиловым, а вода, словно зеркало, ловила и множила эти последние лучи.

Мать устроилась комендантом в этом же доме и по ночам поднималась на крышу — сбрасывать зажигалки.

Когда война закончилась, Эстер было семь с половиной лет. Но в школу в сентябре она не пошла — не в чем. У них в тот год были одни галоши на двоих с матерью. Поэтому она переступила порог класса только в восемь с половиной и была старше, чем другие девочки.

Это дало небольшое преимущество в росте — впрочем, с годами оно растаяло, ведь Эстер не стала высокой. Но куда важнее было другое: ее неудержимое желание учиться. Еще до школы она научилась выводить буквы, старательно копируя почерк отца с обратной стороны его фотографий. Он присылал их с учебы, еще до войны… Вот он в буденовке, вот — в бурке и папахе. И на каждой карточке — словно послание сквозь время — ровные, изящные строки: «На память любимой жене Зинаиде. Храни и вспоминай». Их хранила Эстер. И выводила карандашиком на листе эти слова, чтобы было похоже.

Мать писала так себе — и почерк корявый, и ошибок полно. Училась-то всего два класса. Но, несмотря на это, она всегда посылала много писем — родне, знакомым. Завершала послания неизменной фразой: «Жду ответа, как соловей лета».

Эстер училась хорошо — аккуратная, приветливая девочка с толстыми косами и светлыми завитками у лица. Но четвертый класс принес испытание — задачи по математике, которые никак не желали поддаваться. Она перечитывала условия, складывала и умножала цифры, но ответы не сходились. Мать не могла ей помочь. И вот уже несколько раз Эстер входила в класс с несделанной работой, садилась, заливаясь краской, пока одноклассницы бойко отвечали у доски. Особенно блистала Эля, которая жила в том же доме, и папа у нее был полковник.

***

«Эшелоны идут с разными скоростями. Через сколько часов они встретятся?» Она представляла эти поезда: в них едут офицеры — одни на службу, другие в отпуск, к своим дочкам. Потом составы встретятся, пассажиры выйдут, будут курить и обмениваться новостями. Но как вычислить, когда это случится?

И Эстер придумала.

Она взяла учебник, лист бумаги, карандаш и приоткрыла входную дверь. Совсем немножко, чтобы не сильно сквозило: подъезд с гулкими пролетами лестниц и изогнутыми перилами круглый год хранил прохладу и спокойную тишину. Облокотясь о косяк, она стала ждать. Когда к лифту подходили соседки с авоськами или мимо с топотом проносились мальчишки, роняя из карманов свои «сокровища», Эстер осторожно прикрывала дверь. А как только снова становилось тихо, приникала к узкой щели.

И вот — удача! Она увидела, как снизу поднимается высокий стройный офицер, с плоским портфелем в руке. Лифт в доме начинался со второго этажа — прямо напротив квартиры Эстер. Волнение сковало ее на мгновение, но девочка быстро взяла себя в руки и решительно шагнула навстречу мужчине.

— Здравствуйте, дяденька! Помогите мне решить задачу. Никак не получается, — обратилась к нему Эстер тоненьким голосом.

Военный удивленно взглянул на девочку, но остановился.

— Что за задача? — спросил он с легкой неуверенностью.

— Эшелоны, — ответила Эстер, подошла к окну и раскрыла учебник.

Задача поддалась офицеру не сразу. Раздумывая, он даже расстегнул шинель, снял фуражку, задумчиво поскреб в затылке. Но потом, видимо, сообразив, начал торопливо и четко писать карандашом по бумаге. Протянул готовое решение Эстер, заулыбался, щелкнул ее по носу и, довольный, устремился наверх по ступенькам, забыв про лифт.

На следующий день в классе девочка вызвалась рассказывать, как решила задачу. Она испытывала настоящую гордость: с заданием справились не все.

Эстер радостно подумала, что теперь знает способ всегда иметь готовую домашнюю работу, но тут же сочла это нечестным. Вернувшись домой, она просмотрела все похожие задачи из учебника. Внезапно ей открылся принцип — и этого хватило на целую четверть. А через пару месяцев снова начались трудности.

***

В новой задаче все ели пирог, причем дробями: «Саша съел одну треть, Маша — одну четверть, а папа — половину того, что осталось». И нужно было узнать, сколько же весил пирог изначально. Дроби — тема новая. Эстер понимала: со временем во всем разберется, но, чтобы быстро достигнуть успеха, понадобится подсказка. И она уже знала, к кому обратиться.

На этот раз Эстер решила ждать в кухне — у окна, выходящего прямо на подъезд. Она намеренно пропустила того молодого офицера, который помог ей в первый раз: не хотелось, чтобы он подумал, будто она безнадежно глупая. Вместо него она выбрала солидного мужчину с нарядными погонами. Выбежав на лестницу, девочка вдруг испугалась: военный оказался очень пожилым. Но пути назад уже не было. Эстер разложила на подоконнике учебник и листок в клеточку.

Офицер двигался неторопливо, держался спокойно. Он явно никуда не спешил и без стеснения здоровался с соседями, проходившими мимо лифта. Объяснив решение задачи, он попросил Эстер показать ему школьную тетрадь. Девочка смутилась, но принесла. Военный внимательно перелистал страницы, сделал замечание о том, что после сокращения «см» не нужно ставить точку, посоветовал чертить поля пошире и поаккуратнее, а потом вернул тетрадку.

Эстер переписала решение и провела весь вечер за учебником. Она не остановилась, пока не перерешала все похожие задачи с дробями и не сверила их с ответами. На следующей неделе получила за контрольную работу пятерку.

Тот день стал поворотным: Эстер открыла для себя математику. Прежде непонятные формулы вдруг обрели смысл, засияли внутренней красотой. Четкие правила и стройные закономерности увлекли ее — теперь ей хотелось постигать все самой. Больше не было нужды ждать офицеров у лифта.

***

Эстер поднялась к себе на второй этаж по знакомой до мелочей лестнице — старые ступеньки, перила с затейливыми изгибами. Это был все тот же сталинский дом — бывший офицерский, с массивными кирпичными стенами, высокими потолками и окнами с широкими подоконниками.

Квартира теперь принадлежала ей одной: соседей переселили еще в семидесятые. Сын давно перебрался в другой город, внуки тоже выросли, завели свои семьи.

Чаще всего Эстер общалась по видеосвязи с Кириллом — правнуком, подвижным тринадцатилетним пареньком с живыми глазами и постоянной улыбкой, полной доверия к миру. Жил он слишком далеко, но обычно по вечерам его лицо появлялось на экране ноутбука, и тогда квартира снова наполнялась звуками, смешными школьными историями и вопросами, на которые Эстер любила отвечать неторопливо и обстоятельно, вспоминая свои собственные детские годы.

Но в последнее время все чаще случалось так, что Кирилл вместо вечернего видеозвонка коротко писал: «Ба, давай в мессенджере, ок? У меня сейчас тренировка, потом надо уроки доделать». И Эстер, слегка вздохнув, вчитывалась в аккуратный синий экран телефона, где сообщения вспыхивали короткими, торопливыми строчками.

Но вот беда: хотя внуки и купили ей телефон последней модели, справляться с этими технологическими чудесами становилось все труднее. Каждое следующее обновление будто нарочно усложняло привычную рутину: меню переезжало, кнопки прятались, а функции, которыми она только-только научилась пользоваться, вдруг исчезали без следа.

Особенно тревожили внезапные уведомления и новые чаты — с незнакомыми именами, с обезличенными номерами. Они непрерывно звякали, пиликали, вспыхивали на экране, и Эстер каждый раз вздрагивала, торопливо хватала телефон, всматривалась в строчки: «Неужели дети? Или Кирилл что-то написал?» Сердце замирало на секунду — и тут же опускалось, когда она видела: опять не они.

Чаще всего это оказывались рассылки: «Уникальная прогулка с гидом по тайным местам Москвы!», «Скидка 50% на омолаживающие процедуры в лучшей клинике города!» А то и вовсе леденящее душу: «Срочно! Выгодно продайте вашу недвижимость — деньги в день обращения!» — словно кто-то знал, что она одна в этой квартире, и пытался прощупать ее слабые точки.

Эстер вздыхала, не понимая, как избавиться от всей этой ерунды. Вот бы заблокировать и удалить всех непрошеных гостей, чтобы они никогда не появлялись в сообщениях! Кирилла спрашивать не хотела, старалась выглядеть современной бабушкой, и ей было неудобно расписываться в том, что она не может справиться с телефоном. Ведь она всю жизнь легко разбиралась в технике, а ее главным увлечением по-прежнему оставалась математика. С числами и формулами она вела себя уверенно, это были ее друзья, а вот с телефоном порой чувствовала себя школьницей, которая не может сложить простейшие цифры.

Она вспомнила, как легко было раньше, когда в детстве выходила в подъезд, и офицеры, жившие по соседству, могли разом решить все ее проблемы…

А почему, собственно, раньше? Разве нельзя воспользоваться старой схемой, вот только обратиться придется к кому-нибудь иному. И не надо отрывать от дел Кирилла или мучиться с видеоуроками.

Эстер решительно выпрямилась, внимательно посмотрела в зеркало, поправила прическу, положила в карман брюк телефон, открыла входную дверь и выглянула в подъезд…

Сверху приехал лифт, из него вышла соседка с пятого этажа, и Эстер успела тихо отступить назад, в темноту коридора. Соседка не заметила, что дверь чуть приоткрыта, и, грузно переваливаясь, спустилась к выходу. Дверь внизу хлопнула, и стало тихо.

Ждать пришлось довольно долго. Тишина подъезда то и дело нарушалась звуками: где-то высоко лаяла, подвывая, собака, видимо, оставленная дома одна; доносился монотонный голос из глубины квартиры напротив. Но вот снизу раздался стремительный топот — по ступенькам взбежал мальчишка. Высокий, нескладный, в черной куртке и невероятно широких черных штанах. На голове — мягкий трикотажный капюшон, тоже черный, но явно не от куртки, а от толстовки.

— Молодой человек! — распахнула дверь Эстер, стараясь придать голосу твердость.

Парень сначала не заметил ее: машинально нажал кнопку вызова лифта, уставившись в экран смартфона. Эстер на мгновение замялась, но потом решительно шагнула вперед и легонько тронула его за рукав.

Мальчишка замер, оглянулся, поднял взгляд из-под капюшона, на секунду задержал его на Эстер и только тогда вытащил из ушей наушники.

— Извините, молодой человек, если у вас есть десять минут, не могли бы вы мне помочь? — Эстер улыбнулась, стараясь выглядеть уверенно, и протянула ему свой телефон.

Парень оживился.

— Ого, последняя модель! А что это у вас звук клавиш не отключен? — Он с увлечением провел пальцем по экрану, ловко открывая настройки. — Сейчас исправим… Вот, видите? — Легким движением выключил звуковой сигнал. — Так гораздо лучше, правда?

Эстер кивнула, с любопытством наблюдая за его уверенными движениями.

— А еще у вас куча лишних уведомлений, — продолжил он, быстро прокручивая список приложений. — Давайте разберемся, что действительно нужно, а что можно отключить. Вот

эти рекламные рассылки, например… — Он пару раз ткнул в экран. — Теперь они вас не потревожат.

— Как ты быстро всё находишь! — не сдержала восхищения Эстер.

— Практика, — усмехнулся парень. — А теперь давайте посмотрим, как сделать так, чтобы важные сообщения не терялись. Можно создать отдельную папку для семьи и друзей… Вот так, видите? Теперь они всегда будут вверху списка.

Он показал, как добавлять контакты в избранное, настраивать приоритетные уведомления и даже как быстро отвечать на сообщения с помощью шаблонов.

— Теперь все будет проще, — подвел итог парень. — Если что-то забудете — просто позвоните мне. — Он быстро ввел свой номер в контакты.

— Вот, сохранил как «Артем». Теперь просто нажимаете на имя — и всё.

Эстер растроганно взяла телефон.

— Ты, наверное, программистом хочешь стать? — спросила она.

— Нет, офицером, как дед, — ответил Артем.

Лифт подъехал, и парень зашел внутрь. А Эстер осталась наедине с экраном — теперь он не казался пугающим и непонятным, напротив, стал каким-то близким, почти своим.

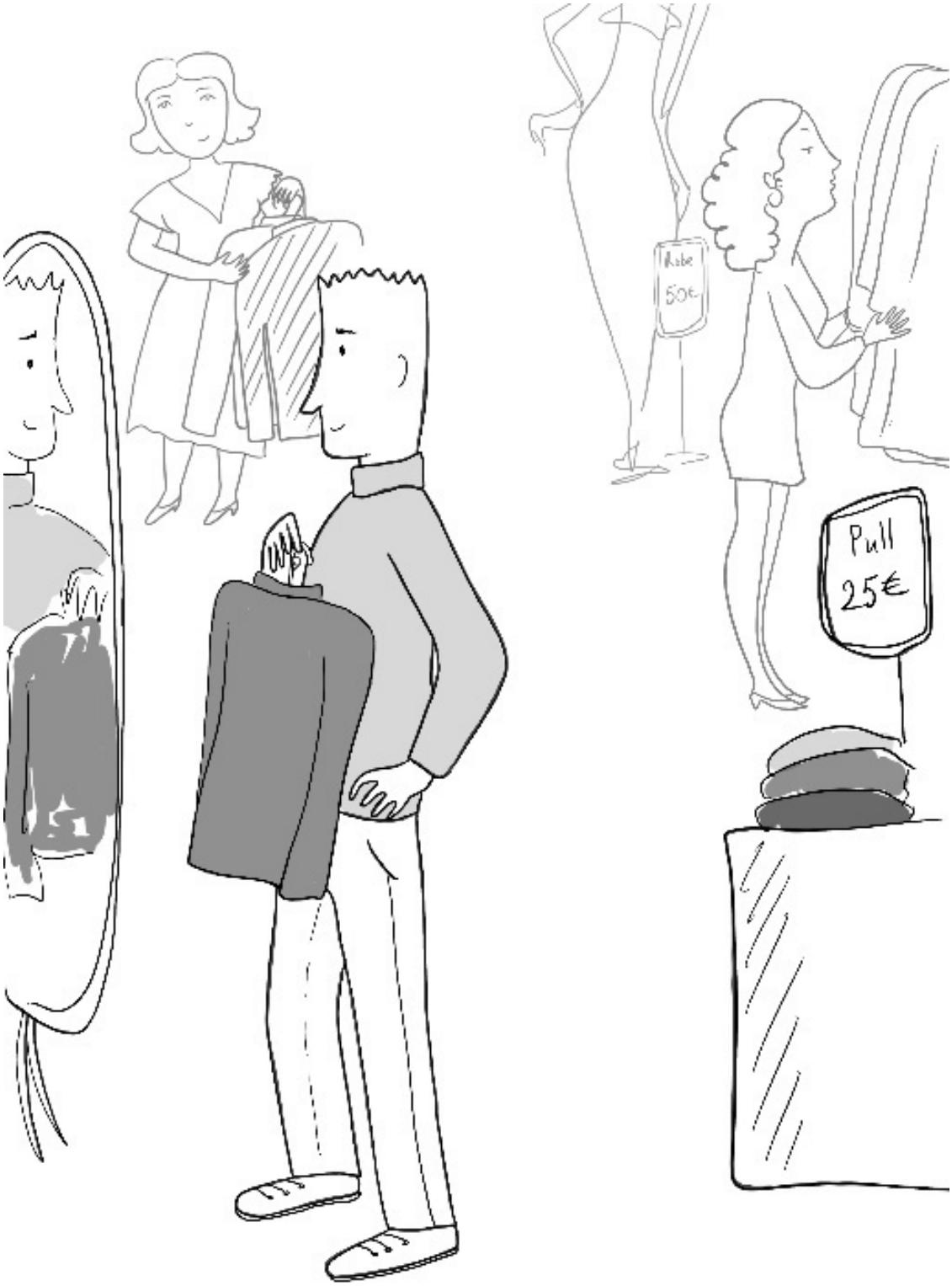
Парижские мужчины

Магазин только открылся. Мужской отдел: продавщица и покупатель, который просматривает стопку трикотажной одежды, склонившись над низким столом. Заглядываю ему через плечо: вдруг там то, что я ищу? Оказывается, он подбирает цвет тонкого светлого свитера. Оттенков слоновой кости несколько, выбрать сложно. Он и сам одет примерно в такой же свитер примерно такого же цвета, и ему идет. Лет тридцать, очень симпатичный, слишком загорелый для конца весны, с красивой стрижкой и ухоженными руками. Так, надо и мне сосредоточиться на своей задаче. Решаю, что свитер мне не нужен, лучше пусть это будет летний пиджак — льняной или из хлопка.

Первое утро в Париже я встретила на Рю-де-Ренн, в магазине. Мне хотелось начать путешествие с покупки подарка мужу на серебряную свадьбу, которую планировали отметить через месяц. Было приятно закончить все дела и переключиться на ритм такого нового для меня города. По магазинам мы отправились вместе с дочерью. Надо сказать, в Париже я оказалась, чтобы навестить ее, пока она здесь учится.

Едва зайдя в магазин, дочь улизнула в соседний отдел, и мне приходится подыскивать подарок самой.

Вешаю перед собой два понравившихся пиджака и перевожу взгляд с одного на другой. Теперь уже мужчина, которого я увидела у входа, наблюдает за мной. У него появилось время — свитер он выбрал, но нужного размера не оказалось, и, видимо, продавщица ушла посмотреть в подсобке.



Конечно, я и сама справилась бы с выбором, но тут до меня доходит, что покупатель одного роста и комплекции с моим мужем. И стоит тут совершенно без дела, приветливо улыбаясь. Вот удача! Я протягиваю ему два пиджака и прошу примерить их — французского я не знаю, поэтому говорю по-английски. Мне показалось, что у молодого человека мелькнуло на лице какое-то странное выражение, но он быстро взял себя в руки и стал натягивать один из

пиджаков. Он был явно расстроен и смущен, потому что хлопковый летний пиджак ну совсем не украшал его элегантный образ со свитером.

Тут из соседнего отдела наконец-то вернулась дочь. В руке — пакетик с покупкой. Оценив обстановку, она что-то быстро объяснила бедолаге на французском, явно слегка иронизируя на мой счет. Тот заметно повеселел, артистично прошелся по залу, сначала в одном, потом в другом пиджаке, изображая манекенщика. Определившись с выбором, мы поблагодарили консультанта за помощь и отправились на кассу.

Пока шли до метро, я терялась в догадках: чем же занимается такой стильный молодой человек? Может, телеведущий или актер? Но дочь сказала, что тут все примерно так выглядят — и художники, и инженеры.

Потом, забрав у меня пакет с пиджаком, чтобы мне не пришлось гулять с ним весь день, она унеслась по делам в неизвестном направлении. А я, с картой города в одной руке и путеводителем в другой, осталась одна.

***

Для начала надо купить «карт оранж» — проездной на неделю на все виды транспорта, в него даже вклеивается фото, которое я припасла заранее.

Проездные продавал молодой человек, ровно настолько же впечатляющий, как и мой помощник в магазине. Он, конечно, был одет в специальную форму, но стрижка, элегантные очки, ухоженные пальцы, достоинство во взгляде и готовность прийти на помощь были на высоте. Мне не сразу удалось понять, что и куда вписывать в транспортную карту и где вход на нужную станцию. Билетный кассир охотно помог, даже оставил свой киоск и сопроводил меня немного, задав нужное направление. Ему явно нравилась эта незамысловатая работа.

***

К вечеру первого дня я ужасно устала. На улице, несмотря на конец апреля, стояла почти летняя жара. Хорошо, что на мне было любимое легкое платье в стиле ретро. Я сшила его сама, поэтому сидело оно идеально. Тонкие ромбы на серой ткани перетекали один в другой, создавая неброский узор. Бежевые туфли на небольшом каблуке дополняли картину. Но больше всего мне льстило, что мой удобный, простой и привычный московский наряд в столице моды оказался отмечен — я то и дело ловила на себе одобрительные взгляды парижанок. Одетые в основном во что-то черное, они стремительно проносились мимо, но успевали оценивающе оглядеть меня. А одна даже сказала мне: «Сэ манифик!» Можно было вообразить о себе слишком много, но я поняла, что привлекаю внимание тем, что выгляжу как-то не по-местному. Надо бы присмотреться к дамам, ведь я в Париже!

Зайдя отдохнуть после долгой прогулки в сад Тюильри, я решила понаблюдать за ними. Следующей моей остановкой должен был стать Лувр, тем более что по пятницам он открыт до десяти вечера. Дав себе на отдых целый час и купив горячий блин у колоритного продавца, я уселась на скамейку среди подстриженных кустов и изящных скульптур.

Женщины в лучах заходящего солнца казались одетыми в унисон. Почти на всех я заметила элегантные, но простые по крою рубашки или лаконичные топы, несмотря на жару — преимущественно темные брюки или юбки с черными колготками, а в руках — сразу по две сумки. Показалось даже, что не все из них сегодня расчесывали волосы. Это не выглядело небрежно, скорее подчеркивало индивидуальные особенности. Да, парижанки изящные, стройные, полные шарма, но такие, будто они ничего для этого специально не делают. Загадка, заключенная в этой естественности и простоте, была мне недоступна.

Но я уже спускаюсь через прозрачную пирамиду в Лувр, покупаю билет, беру буклеты со схемами залов и иду, глядя влево-вправо, пытаясь решить, с чего начать.

***

Внезапно ко мне бросается высокий мужчина и что-то быстро говорит по-французски. Он, кажется, чем-то расстроен, буквально заламывает руки. Спрашиваю по-английски, что

случилось, и понимаю, что в английском он не силен. Секунду поколебавшись, мужчина все же старается объясниться, используя то английские, то французские слова. А вся проблема заключается в том, что египетский зал сегодня закрыт. Для меня это никакая не проблема, мне все равно не обойти музей полностью за один вечер, но я вежливо сочувствую и собираюсь отправиться дальше.

Он не дает мне уйти и, немного успокоившись, уточняет: когда я пришла? А, только что? Видимо, он меня с кем-то путает. Нет-нет, просто он тоже только что вошел и предлагает провести для меня экскурсию. В голове мелькают кадры из фильма «Плащ Казановы». Но Бернар, да, теперь он Бернар, говорит, что это бесплатно, он просто обожает Лувр, бывает тут каждую пятницу и у него есть абонемент. Все это я понимаю из смеси слабых английских и непонятных французских фраз. Я, конечно, никуда не хочу идти с этим настойчивым торопливым человеком. Но мое промедление он истолковывает по-своему: хватает за руку и тащит в греческий зал. Ведь египетский закрыт!

Немного странно мчаться по Лувру, на слух ухватывая названия картин и фамилии художников, взявшись за руки с незнакомым мужчиной, когда ты еще утром покупала подарок любимому мужу на серебряную свадьбу. Но я успокаиваю себя тем, что, возможно, для Парижа это нормально. К тому же от скорости мне становится смешно и, чтобы не расхохотаться, стараюсь получше рассмотреть моего персонального гида. Темные кудрявые волосы, крупные черты лица. Не красавец. Хотя Бернар и моложе меня лет на десять, на лбу четко обозначены морщины, явно потому, что его брови каждую минуту удивленно взлетают вверх.

Конечно, он бесподобно ориентируется в Лувре, глупо это не использовать, хотя языковой барьер не позволяет ему рассказать что-нибудь существенное, и он лишь перечисляет шедевры. Бернар предлагает назвать те картины, которые я обязательно хочу увидеть, и он составит маршрут, чтобы все было включено. Но я полагаюсь на его выбор. Мы стремительно движемся по залам, пока не подлетаем к разделу итальянской живописи, где выставлена Мона

Лиза. Бернар останавливается и говорит, что будет ждать здесь, у входа в зал. Я не собираюсь проталкиваться к знаменитому портрету через толпу туристов и смотреть сквозь пуленепробиваемое стекло, поэтому говорю, что уже видела Мону Лизу и тоже не пойду.

Тут снова взлетают брови Бернара. — Ты же сказала, что сегодня первый день в Париже?

Я объясняю, что видела портрет в Москве в семьдесят четвертом году. Его привозили в Пушкинский музей. Правда, я умолчала, что мне тогда было четырнадцать лет и пришлось простоять многочасовую очередь, чтобы десять секунд полюбоваться Джокондой.

Бернар переспрашивает: «В каком-каком году?» — и недоверчиво смотрит на меня. Потом, тряхнув головой и решив, что он чего-то недопонял, предлагает отправиться к Микеланджело. Его шаги замедляются, теперь мне не приходится торопливо семенить, я наконец могу отдышаться и посмотреть по сторонам. Но оказалось, что это просто новый этап нашего знакомства. Бернар как ни в чем не бывало кладет руку мне на плечо. Что это? Так в Париже принято? И что будет дальше? Не сбросив эту руку мгновенно, я выгляжу сейчас так, как будто для меня нормально гулять в обнимку с человеком, которого я вижу в первый раз. А может, ему просто удобно опираться о мои плечи: он высоченный, а во мне чуть больше полутора метров. Меня начинает напрягать эта игра, но я не знаю, как выйти из ситуации достойно.

Бернар не спеша объясняет мне, чем занимается. Возможно, он программист, но я точно не разобрала, а переспрашивать не хочется. Теперь он просит рассказать поподробнее о себе. «Кем ты работаешь?» Я знаю разные английские синонимы слова «бухгалтер», но он не понимает. Ну, в общем, в офисе. «А, теперь ясно». Следует вопрос: замужем ли я? Показываю обручальное кольцо. Он кивает и говорит, что разведен. «Диворсе». Здесь во французском и английском одинаковые корни, тоже киваю. О нет, не разведен, живет раздельно — «ви сепареман». Ну ладно, это я тоже поняла. Дальше вопрос, есть ли у меня дети? Для краткости исключаю сына и говорю, что я приехала к дочери. Она учится в Париже в университете. Переспрашивает: «Ты учишься в университете и у тебя маленькая дочь?»

Теперь, когда мне начинает казаться, что в некоторых залах мы уже были, локоть Бернара на моих плечах сгибается, и его крупные пальцы скользят по моей шее. Считаю, что на этом приключений достаточно. Я высвобождаюсь из-под его мощной лапы, стараясь сохранять непринужденный вид. В чем дело? Он нервно жестикулирует. «Мы разве не пойдем ко мне домой после музея?» «Нет, к сожалению, на этом все, спасибо за экскурсию». «А, тебе нужно укладывать маленькую дочь?» Бернар старается не показать, что разочарован, оглядывается по сторонам, в нем снова просыпается торопливость, которая была в самом начале.

«Пойдем, я провожу тебя до метро». «Нет-нет, зачем, я еще здесь побуду и пойду сама, сейчас всего восемь, я не заблужусь». Для убедительности достаю из сумки схемы залов.

Но Бернар хватает меня за руку и тащит к выходу. «Скорее, скорее!» Он знает, как срезать путь, мы вылетаем из Лувра и мчимся к метро, с меня почти слетают бежевые туфли на маленьких каблучках, на ум приходит известная сказка... Бернар поминутно смотрит на часы и говорит, что ему нужно вернуться в музей, лицо растерянно, и до меня доходит, что у него остается чуть больше часа, чтобы решить вопрос досуга сегодняшнего вечера. Меня снова разбирает смех. Проходя турникет в метро, оглядываюсь. Бернар на своих длинных ногах, засунув руки в карманы и приподняв сутулые плечи, возвращается на охоту в Лувр. У него же абонемент!

***

На следующий день погода изменилась. Как так? Вчера было жарко, а сегодня ожидается не больше десяти градусов. Я не привезла ничего теплого, но, к счастью, дочкины вещи лишь слегка мне маловаты. Мы честно поделили пуховик и плащ. У нее выходной. Первое мая — воскресенье, и к тому же День труда и ландыша. Все магазины, музеи и выставки закрыты. Остается только гулять по холодным улицам, и мы собираемся в Ля Дефанс, плотно застегнувшись и приподняв воротники.

Выходим из метро, и мне кажется, что здесь проводится какой-то флешмоб. Вчера и старики, и молодые люди спешили по делам в пиджаках, а сегодня все они надели поверх этих пиджаков шарфы. На улице более чем прохладно, но, видимо, ничем другим, кроме шарфов, утепляться парижане не собираются. Зато как изменился образ города! Шарфы попадались крошечные, сдавливающие горло, и огромные, намотанные в несколько рядов, свисающие

до земли и скромно заправленные в воротники свитеров, дорогие кашемировые и связанные из простой шерсти, новенькие, будто только из магазина, и покрытые катышками. Французов нисколько не смущала невероятная цветовая гамма, и, хотя некоторые подобрали шарфы в тон одежде, гораздо заметнее были те, кто сделал ставку на контраст. Любимые оттенки — лиловые, оранжевые и бордо. Попадались и совсем невероятные сочетания.

Француженки тоже слегка утеплились, но они совершенно растворились на фоне сопровождающих их франтов. Мне захотелось запечатлеть это чудо природы. Я стала снимать своим маленьким фотоаппаратом идущих навстречу мужчин. Считается, что снимать чужих людей нехорошо, но я не могла удержаться, и теперь в моем файле «Париж» хранится сотня вариантов, как повязать шарф.

В этот день всем женщинам на улице незнакомые мужчины дарят букетики ландышей; возможно, это специальные волонтеры. Ровно два стебелька, связанные между собой. К нам снова и снова бросались молодые люди, но, увидев, что по два цветочка у нас уже есть, улыбались, говорили что-то приятное и исчезали.

***

Вторник, и снова тепло. В будние дни мы рано покидаем студенческий городок: выходим вместе с дочерью, спешащей на учебу. Сегодня я еду в зоопарк, это далеко: метро Porte Dorée, и там еще пешком или на автобусе.

Выхожу на нужной станции и понимаю, что с автобусами не разберусь — множество их отправляется отсюда в разные стороны, а мой путеводитель не дает точных номеров. Значит, пройдусь пешком, у меня же есть карта. Но от площади лучами расходится столько похожих улиц, что я не могу сообразить, какая же нужна мне. Ничего, сейчас спрошу кого-нибудь. Надо только придумать, как это будет по-французски… «Где находится…» Нет, этого я не помню. Скажу лучше: «Я ищу зоопарк». Так легче, и каждый поймет!

Навстречу мне идет невысокий пожилой мужчина. Белоснежная щетка усов под носом и два багета, завернутых в бумагу.

— Бонжур, месье! Же шерш зоо! — я старательно делаю ударение на последней «о».

Но месье смотрит с непониманием и пожимает плечами.

— Зоо, зоо, — я добавляю громкости. Ну что тут непонятного? Он же местный, судя по батонам, а кроме зоопарка никаких достопримечательностей поблизости нет.

— Je ne comprends pas, Madame! Я не понимаю, мадам!

Судя по спрятанной в морщинках улыбке, он никуда не спешит и готов дальше наблюдать, как я изображаю руками то ли гусей, то ли лошадей. А мне и спросить больше некого: раннее утро, все проезжают мимо на машинах и автобусах.

— Зоо! Анималь!

Наконец, он решил меня пощадить: моя пантомима достаточно его позабавила.

— Vous voulez dire «LE zoo»? Pas «zoo»! «LE zoo»! Вы хотите сказать зоопарк? Не (просто) зоопарк! Зоопарк (с артиклем)!

Так вот в чем дело! Я забыла добавить артикль. Конечно, мужчина все давно понял, но он захотел преподать мне урок французского. И не лень ему, мог бы просто махнуть рукой в правильном направлении. Ведь найти зоопарк очень легко — нужно пересечь небольшой сквер, а там его сразу станет видно.

— Traversez le parc, Madame! Пересеките парк, мадам!

И когда я, поблагодарив, уже иду в нужную сторону, месье окликает меня:

— Madame, «LE parc»! «LE zoo»!

***

Так и есть, зоопарк еще закрыт, приходится подождать. Но вот в окошке появляется кассир, и я вхожу в ворота. Первая!

Здесь красиво, очень зелено, хотя всего лишь начало мая. Зоопарк — обязательный пункт любого путешествия, где бы я ни была. В моей коллекции их уже много, но этот — какой-то особенный. Он раскрывается не сразу: за каждым поворотом будто кто-то поджидает. Дорожка, петляя, уводит меня все дальше; длинные лиловые тени раннего утра задают глубину и заставляют ступать осторожно. Я оглядываюсь назад, уже не понимая, где свернула, и внезапно холодок тревоги охватывает меня. Да ведь я здесь совсем одна!

Мне становится не до носорогов. Где люди? Так не бывает! Ощущаю себя как в сказочном лесу. Мелькает мысль вернуться ко входу и подождать — может, просто слишком рано… Тут я замечаю молодого человека и облегченно вздыхаю. Нет, все в порядке, зоопарк работает, я не в сказке. Сейчас он пойдет дальше, а я посмотрю на пингвинов, а потом сверну вон туда, к озеру с фламинго.

Но молодой человек не идет дальше, он останавливается в паре метров от меня и двигается следом, только когда я покидаю антарктических обитателей.

Направилась в сторону больших розовых птиц. Он тоже. Постояв у фламинго, я сменила направление на противоположное и завернула в небольшой проход, ведущий к оленям Давида. Тут уже сомнений не осталось: рыжеватый молодой человек в бейсболке, больше похожий на студента, чем на маньяка, продолжал тихо следовать за мной, хоть и на расстоянии. Интересно, что у него в объемистом рюкзаке, который он небрежно бросил на лавочку?

Походив под преследованием еще немного, я решила все-таки отвязаться от «студента». Села на скамейку около «овец обыкновенных» и решила, что не сдвинусь с места, пока он не уйдет. Но человек в бейсболке тоже пристально смотрел на овец, облокотившись на ограду и никуда не торопясь. Пауза затягивалась.

И вдруг все оживилось. По дорожке к овцам бежал целый класс детей. На вид им было лет по семь. Следом еле успевали две учительницы. Пока я любовалась разноликой группой малышей, мой преследователь исчез, будто его напугали цветные флажки и резкие звуки свистулек. Я его больше не видела, хотя еще полдня провела в зоопарке.

Вот интересно, что это было? Может, показалось, что меня преследуют? А может, он здесь работает, иначе зачем приходить в такую рань? А может, у него тоже абонемент?

***

Прошло десять дней, сегодня я возвращаюсь домой. Но самолет после обеда, а сейчас раннее утро, и я прикидываю, не сходить ли еще раз в музей д'Орсе. Я успела там побывать, но пары часов мне недостаточно. Сегодня в музее бесплатный день, и, если приду к открытию, успею пробежаться по залам. К тому же воскресенье, поэтому в финальном забеге меня будет сопровождать дочь.

Мы пришли рано, отстояли очередь из любителей бесплатного. И когда оказались в музее, поняли, что времени совсем мало. Мы сразу поднялись на самый верх, к импрессионистам. Основная часть утренней толпы осталась на нижних этажах, и мы бы могли любоваться картинами в тишине, если бы не группа школьников-подростков, выполнявших задания в рабочих тетрадях.

Я заглянула в их большие папки с черно-белыми листами, состоящими из схем и таблиц, заполнить которые, не побывав в музее, было бы невозможно. Школьники, не торопясь, привычно вписывали ответы: кто — сидя на полу, кто — прямо перед полотнами и скульптурами. Изредка они обращались с вопросами к своим молодым преподавателям, и те без суеты и наставлений посвящали их в историю искусства. И вдруг я узнала одного из учителей. По загару и свитеру. Это был тот самый молодой человек, которого я заставила примерять пиджаки в самое первое утро моего путешествия. Он нас тоже заметил, помахал рукой и поздоровался. Теперь я знала, кем он работает.

Загс — это не мое!

«Загс — это не мое! Не мое! Не мое!» — звучит рефреном в голове у Даши, сбегающей вниз по эскалатору. Большая сумка оттягивает плечо, теплая куртка нараспашку цепляется за стоящих, как положено справа, пассажиров, шапка в одном кармане, варежки в другом… Слышится приглушенная мелодия телефона, он тоже где-то в кармане, то ли под шапкой, то ли под варежками.

«Осознал!» — торжествует Даша, протискивается в вагон метро и может, наконец-то, достать телефон. Надо успеть ответить, ведь ехать всего одну остановку. Но звонит не Матвей.

— Дашка, ты где? — Ксения почти кричит. — До отправления пятнадцать минут! Мы же договаривались!

— Спокойно, Ксю, я уже подхожу к Ленинградскому, задержалась немного… — Даше приходится врать, надо успокоить подругу. Ну что ж, значит, на Комсомольской придется шагать по эскалатору еще и вверх.

Опаздывала она из-за ссоры с Матвеем. Она знала, что он такой — упрямый и жесткий, считает лишь свое мнение важным. Привыкнуть можно, но вот отношение Матвея к себе самой Даша никак не могла принять. Не хотелось верить, что она для него ничего не значит. Даже в Питер на последние перед дипломом каникулы он отпустил ее легко, и это совсем не обрадовало. Получается, ему все равно — с ним она или нет…

— Ты мне только еды приготовь на все дни. Из морозильника я сам разогрею, — деловито обозначал ее обязанности Матвей, — и на всякий случай постирай и погладь мне одежду, вдруг понадобится куда-то пойти. Вообще, я собирался из дома поработать эту неделю, но на всякий случай.

— Все сделано: убрано, приготовлено, постирано! Я прям как настоящая жена, — взглянула на него Даша.

— Нет, загс — это не мое! — отрезал Матвей.

***

Ксюша тревожно выглядывала из-за спины проводницы.

— Ну что ты нервничаешь? Еще две минуты до отправления, — Даша запрыгнула в вагон, и поезд тронулся раньше, чем они дошли до своего купе.

— Я уж думала, одна поеду. Точнее, с каким-то мужиком, — никак не могла успокоиться Ксения.

Действительно, в купе на верхней полке, отвернувшись к стене, лежал пассажир. Казалось, он давно спал. Это выглядело немного мрачно, и девушки сразу перешли на шепот. Но зато попутчик не ходил туда-сюда, не ел колбасу с запахом чеснока и не мешал им разговаривать.

— И как ты его терпишь? — тихо возмущалась Ксения под мерный стук колес. — Почти год живет у тебя на всем готовом, а вместе вы никуда не ходите,и к себе ты больше никого не зовешь, — Матвей против… Что у вас общего, никак не пойму! Жениться он не хочет, а жить в твоей квартире — пожалуйста? Может, ему это просто удобно?

Даша хотела возразить, но ответить было нечего.

— И он тебе запрещает заводить кота! У тебя же дома! — добавила Ксюша еще один аргумент.

— У него аллергия…

— Ты уверена? Сама это видела? И к тому же можно купить кота лысого, гипоаллергенного.

Даша снова промолчала. Ей не хотелось больше обсуждать свою личную жизнь. Предстояла неделя отдыха в Питере. Последний раз она была там в детстве вместе с мамой. Но теперь

мамы нет. Даша старалась не признаваться себе самой в том, что, вероятно, она цепляется за прохладные отношения с Матвеем, избегая одиночества.

***

Утром, когда поезд подъезжал к Московскому вокзалу, пассажир на верхней полке наконец зашевелился. Он ловко спустился и оказался мужчиной средних лет, скорее всего, командировочным. Посмотрев на Дашу, потом на Ксюшу, он снова остановил взгляд на Даше.

— Девонька, мой тебе совет: бросай ты этого… — не договорив, махнул рукой, надел куртку, подхватил рюкзак и вышел из купе.

— А я думала, он спал… — удивилась Ксюша. — Ладно, выходим! Тетя Шура, наверное, уже завтрак приготовила. Я всегда этим поездом приезжаю. Как же здорово, что ты согласилась поехать со мной, будет не скучно!

***

Многочисленная Ксюшина родня обитала в Москве. И только тетя Шура, единственная из всей семьи, жила в Санкт-Петербурге, в квартире, оставшейся после ее мужа, генерала.

Тетя Шура обожала, когда к ней приезжали гости из столицы, всегда зазывала своих племянников на каникулы, предоставляя просторные комнаты с высокими потолками и видом на канал. Взамен она требовала долгих вечерних разговоров за чаем, подробных рассказов о московской жизни и фотографий, распечатанных по старинке на глянцевой бумаге. Разговоры могли затягиваться допоздна, хотя тетя Шура, несмотря на пенсионный возраст, еще работала. Даша знала, что у нее необычная специальность — регистратор в загсе, или как там это называется.

Итак, вечера они будут проводить с тетей, зато в течение дня девушки могли заниматься чем хотели. Ксюша предупредила: зимой погода не балует, поэтому решено было каждый день ходить в музеи, а город она покажет подруге с помощью автобусных туров, их в Питере предостаточно.

Они выбрали обзорный — по историческому центру с заездом в Петропавловскую крепость. А еще им понравилась экскурсия «Легенды и мифы Петербурга», и именно она оказалась первой, уже в день приезда.

Эрмитаж оставили на субботу, на самый конец каникул. Планировали зайти в главный музей надолго, чтобы не торопясь посмотреть все — от античности до Западной Европы.

***

— Ксю, ты, конечно, говорила, что будет холодно, но не до такой же степени! — Даша продрогла сразу: не помогали даже два свитера, надетые под куртку. Пронизывающий ветер не знал никаких преград и будто хотел проверить ее на прочность.

Ксения и сама замерзла: три раза обмотала длинный шарф вокруг поднятого воротника и втянула руки в рукава. Она проговорила еле слышным голосом:

— Даш, настолько холодно ни разу не было, я сама не ожидала! Вон наш автобус, пошли скорее!

В салоне оказалось сильно натоплено, но слушать гида они начали, только когда волны приятного тепла заставили их расстегнуться.

Медленно проплывал за окном суровый Санкт-Петербург. Даша смотрела на него с интересом, пытаясь разгадать. Уж очень не похож этот город на Москву. В легенды и мифы она не верила, но сочетание волшебных рассказов и исторических картинок на бледном, леденяще-морозном фоне обещало, что поездка будет особенной.

Но вот объявили остановку у Михайловского замка. Девушки, поплотнее запахнувшись, снова вышли на ледяной ветродуй. Они держались под руки, но, несмотря на это, им было еще холоднее, чем до автобуса. Даша почувствовала, как Ксения дрожит крупной дрожью, и этот озноб передался ей. Обе затряслись молча и синхронно, и им вдруг стало смешно. Они старались не расхохотаться прямо перед экскурсоводом, но продержались недолго и согнулись

от смеха. Гид и остальные туристы недовольно посмотрели на девушек. Пришлось отойти в сторонку.

— Вот мы невоспитанные, а еще приехали в культурную столицу! — Ксения, отсмеявшись, направилась в сторону автобуса.

— Нет, я больше не вынесу, — Даша, подскакивая, чтобы согреться, двинулась за ней, — неприятный этот Питер, чего все сюда едут?

***

На следующее утро тоже намечалась экскурсия, и Даша заранее боялась выходить на улицу. Но город, который вчера так измучил ее, сегодня казался тихим и приветливым.

— Не понимаю, температура такая же, а мне совсем не холодно — чудеса!

— Ты прошла проверку Питером, он тебя принял, — сказала таинственным голосом Ксения.

— Шутишь, просто влажность понизилась, — не поверила Даша.

Сегодняшняя поездка по городу была совсем другой. Девушки охотно выходили на остановках посмотреть на архитектуру и памятники. На Университетской набережной они увидели, как толпа китайских туристов, вывалившись из автобуса, набросилась на статуи сфинксов и стала тереть их своими перчатками.

«Наверное, на счастье, — подумала Даша и тоже погладила сфинкса, — пусть все как-то уладится!»

Следующая остановка — около Чижика-Пыжика. Даша удивилась, какой же он маленький; никогда не нашла бы этот памятник, если бы гуляла по городу сама. На то, чтобы осмотреться, им дали двадцать минут. Ксения предложила дойти до музея Фаберже. Рядом с ним оказался спуск с набережной к Фонтанке. В том самом месте, где набирали воду во время блокады…

Время пролетело незаметно, и они помчались назад, чтобы не отстать от своей экскурсии.

Тут Даша заметила еще одно отличие Питера от Москвы. Когда в столице она, стремительно обгоняя людей, мчится по своим делам, никто не обращает внимания. В Москве многие ходят очень быстро, зачастую и короткими перебежками. Но здесь их торопливость была воспринята совершенно иначе. Люди на улице расступались, чтобы пропустить девушек, не помешать их бегу; на лицах не было ни досады, ни недовольства. Скорее, читался вопрос: «Что-то случилось? Не нужна ли помощь?»

— Пойдем помедленнее, — Даша придержала Ксению за рукав, — опоздаем так опоздаем…

Ксюша тоже перевела дыхание:

— Да, смотри, уже близко! Не уехали, нас ждут!

Автобус тронулся. И снова Питер удивлял Дашу. Показавшийся сначала плоским, безжизненным и искусственным, теперь он смотрелся просторным и изысканным. Правильно заданная перспектива требовала, чтобы глаз снова и снова сравнивал дальнее и ближнее, разгадывал, как получилась эта сдержанная красота. Питер приручал, освобождал от лишней суеты и требовал внимания.

***

За неделю город поглотил Дашу, она и не вспоминала о Матвее. Он тоже не звонил, прислал лишь пару сообщений. И чем ближе был конец каникул, тем понятнее становилось: ехать к Матвею она не хочет. Но что ей делать? Нельзя же написать: «Собери свои вещи и пока! Ключ оставь на крючке в прихожей». Или можно?

Подруги вечером возвращались после очередной прогулки. Назавтра остался только Эрмитаж. Но когда они пришли домой, оказалось, что Эрмитаж отменяется. Тетя Шура подготовила им сюрприз.

— Завтра весь день вы будете работать со мной! — объявила она гордо. — Отказаться не получится, я отпустила помощницу, у нее семейные обстоятельства.

— Документы заполнять, в папки подшивать? — пробурчала недовольная Ксения. — У нас же каникулы!

— Как же! Доверю я вам документы! — тетя Шура выпрямилась, посмотрелась в высокое зеркало в старинной деревянной раме и обернулась к девочкам. — Показывайте, что у вас есть нарядного на завтра!

Ксюша расстегнула молнию небольшого чемодана на колесиках и извлекла из него нечто мягкое кашемировое, лилового цвета:

— Ну хоть платье пригодится, я вообще-то в Мариинку его хотела надеть, думала, может, достанем билеты…

— Подойдет, я тебе для завершения образа брошку свою дам, с камеей, — одобрила тетя Шура и перевела взгляд на Дашу. — А у тебя?

— А у меня — ничего. Джинсы, два свитера, три футболки. Я, пожалуй, лучше завтра в Эрмитаж.

— Не переживай, Дашенька, сейчас мы что-нибудь придумаем, — тетя Шура открыла большой платяной шкаф и, немного покопавшись в нем, достала темно-зеленое платье с люрексом. — Оно мне тесновато, а тебе подойдет!

— У Дашки сорок второй размер, а это на пятидесятый тянет, — засмеялась Ксюша.

— А мы его в плечах прихватим, — не унывала тетушка. Ловко сверкнув иголкой и быстро вывернув платье наизнанку, она сделала несколько стежков и перекусила нитку. — Примерь!

Даша уже не сопротивлялась. Она легко проскользнула в платье и подошла к зеркалу. Длина чуть ниже колена вполне хороша, пройма тоже села как надо, но из-за лишней ширины платье казалось старомодным и чужим.

— А зачем мне вообще наряжаться? Белый свитер и джинсы… В Москве так можно и в загс пойти, в наше-то время!

Но тетю Шуру было не остановить. Она снова взялась за иголку, на этот раз подключив и девчонок. На спинке совместными усилиями сделали несколько рядов защипов от плеча до лопаток. Потом тетя Шура нашла черный сутаж и ловко замаскировала им все швы. Платье село точно по фигуре. Ксюша больше не смеялась, а восхищенно смотрела на подругу.

— Теперь туфли, — из коробок тетя доставала модели: новые и не очень — и показывала их девочкам. Те отрицательно качали головами.

Наконец, одни лодочки без каблука приглянулись Ксюше, и размер тоже подошел. А Даше не нравилось ничего:

— Нет, туфли я уже не вынесу, да и велики они мне все, — остановила она тетю Шуру, продолжавшую рыться в коробках. — А знаете что, давайте я завтра надену свои обычные ботинки.

Ксюша поддержала:

— Класс, белые походные челси к вечернему платью! Теть Шур, твой наряд заиграет новыми красками!

***

Только войдя в старинное здание, Даша поняла, что это не какой-то загс, а настоящий Дворец бракосочетаний. Она никогда не была в таком. Ей хотелось рассматривать скульптуры, лепнину, люстры и даже паркет, но тетя Шура торопила: настало время ввести девушек в курс дела.

— Вы будете заменять Алену. Она одна работает, значит, вдвоем вы справитесь.

Оказывается, им предстояло провожать пары из комнаты ожидания первого этажа на церемонию бракосочетания наверх, в парадный зал.

— Главное, ничего не перепутайте! Нашли следующую по списку пару, уточнили фамилии, взяли у них кольца, отнесли ко мне в зал, положили на блюдечко. Потом спустились, построили гостей и повели. Ясно? Вверх — по левой лестнице, вниз — по правой.

Девушки кивали, казалось, все понятно, и вдвоем им будет легко. Но тетя Шура, уже уходя на рабочее место, сказала, что им придется брать пары по очереди: одна ведет вверх, другая вниз, и поболтать у них не получится.

***

Когда прибыли первые молодожены, Даша поняла, что все не так просто. Гостей оказалось очень много, все хотели переодеться, привести себя в порядок, посетить комнату отдыха. Среди нарядных людей она не сразу нашла свидетелей, которые должны были передать ей кольца. А потом подъехали следующие новобрачные, и круговерть усилилась.

Даша удивлялась, как много народу прибывало с каждой парой. Похоже, здесь, в Питере, совсем другое отношение к церемонии, чем в Москве. Обязательно фотографировались на огромной лестнице, и ширины ее едва хватало, чтобы уместить всех гостей — ведь каждого должно быть видно.

В очередной раз Даша принесла кольца тете Шуре. Та задержала ее и сказала: «Когда будет очень красивая пара, останься в зале и послушай, как я буду им читать речь. Но помни: красивая пара! Это обязательно!» Даша спускалась вниз. Она не могла понять, почему для красивых слова должны быть лучше, чем для всех остальных?

Следующие молодожены выглядели очень эффектно. Стройные, высокие, стильно одетые… «Вот с ними и пойду слушать тетушку», — подумала Даша. На этот раз она безошибочно определила свидетеля, подошла к нему и назвала следующую по списку фамилию:

— Это ваши? Давайте кольца!

— Вам? С чего бы? У вас даже бейджа нет! Вдруг вы убежите с ними, — темноволосый молодой человек пристально смотрел на растерявшуюся девушку. Он был первым, кто усомнился в ее полномочиях.

От досады у Даши не получалось ответить что-нибудь убедительное; она тоже уставилась в зеленые глаза молодого человека и почувствовала, как покраснела. Но он вдруг спохватился:

— Вы не обиделись? Простите, это я так шучу. Согласен, совсем не смешно…

— Вообще-то смешно, я даже поверила, — улыбнулась Даша. Она по-прежнему чувствовала волнение, но другое, с еле заметной ноткой ликования внутри. Пытаясь справиться с эмоциями, она почти забыла, что спрашивала о кольцах. Возникла пауза.

Молодой человек взял ее руку, сам положил на ладонь два кольца, другой рукой согнул ее пальцы и плотно прижал сверху:

— Данила.

— А, да, хорошо, — Даша наконец отвела глаза от парня и начала выстраивать гостей в том порядке, как ее научила тетя Шура. Сопроводив процессию на второй этаж, она тоже зашла в зал, чтобы посмотреть и послушать. Прикрыла высокие двери и прислонилась к ним спиной.

Тетя Шура увидела ее и незаметно кивнула, видимо, одобрив Дашин выбор пары. Началась церемония: музыка, росписи молодоженов за красивым мраморным столиком и, наконец, речь. Тетя Шура начала громко и горячо.

Напутствия затянулись. Даша слушала, но не понимала ни слова. Со своего места она хорошо видела Данилу, стоящего около жениха, а еще заметила, что фотограф несколько раз попросил его смотреть прямо перед собой, а не оглядываться на двери. Почувствовав, что это из-за нее, Даша смущенно выскользнула из зала, чтобы фотографии красивой пары получились достойными.

Спускаясь, она увидела, как ей улыбнулась Ксюша, выстраивая свою группу на подъем. Даша махнула рукой в ответ, и ей вдруг показалось, что они не виделись несколько дней: лестница как будто уводила ее в другое измерение.

Она подошла к следующей паре. Время только приближалось к двенадцати, впереди был долгий рабочий день. Даша, сверяя списки, посматривала в сторону выхода и, когда спускались молодожены, свидетелем которых был Данила, быстро отпрянула в небольшую нишу. Оттуда хорошо просматривалось, как гости, одеваясь и оживленно переговариваясь, собирают букеты и свертки с подарками и потихоньку выходят к машинам. Но Данилы среди них она не увидела. Наверное, он вышел первым. Как же она его пропустила?

Следующий час Даша провела, машинально выполняя уже привычные действия. Ей почему-то перестали нравиться мраморные цветы и ангелы, украшавшие залы и лестницы. Вся праздничная обстановка теперь казалась ей пафосной. К тому же она заключила по разговорам, что большая часть гостей в Питере приходит только на церемонию во Дворец, а потом расходится по домам, в отличие от московской традиции, когда лишь несколько человек бывают в загсе, а ресторан заказывают на всю родню и знакомых.

«Да и вообще, зачем все это? Пышные платья, море цветов, мрамор, да еще и официальные речи — не из них состоит жизнь…» — думала Даша. Она устала. Устала от толпы, от чужого колючего наряда, ей так не хватало простого мягкого свитера. Посмотрев с лестницы вниз, она увидела молодого человека. Он стоял к ней спиной и, похоже, кого-то ждал. Вид его совершенно не подходил к обстановке: белая толстовка с капюшоном и джинсы. У Даши сжалось сердце; она смотрела и не могла понять, почему ей кажутся родными его плечи и так хочется подойти и положить на них руки.

Внезапно парень оглянулся. Это был Данила. В три прыжка он взбежал по лестнице.

— Почему ты здесь? — Даша не верила своим глазам.

— Я не спросил, как тебя зовут, — рассмеялся в ответ Данила. — Извини, мне тогда пришлось быстро убежать.

— Меня зовут Даша… Но ты же свидетель и должен быть на свадьбе у друга?! — она не заметила, как тоже перешла на «ты».

— Я не поехал. Они отмечают далеко, в Петергофе… Долго объяснять, но я с утра уже знал, что не поеду.

— Значит, это правда? В Питере все гости приходят только на церемонию?!

— Почему? — не понял Данила. — По-разному бывает. Сегодня я не мог иначе. Пашка все понимает, настоящий друг, мы с ним с детства живем в одной парадной!

— В парадной? Как это?

— Ты и правда какая-то неземная, — Данила держал ее за руку, — я это сразу понял, как только увидел тебя в этих белых ботинках.

— А я ничего не понимаю. Куда ты делся сразу после церемонии, почему вернулся?

— Я вернулся, чтобы подарить тебе это, — он достал из кармана кольцо с маленьким изумрудом, — точно в цвет твоих глаз!

Кольцо было новенькое, да еще и с ценником, поэтому Даша снова удивленно взмахнула ресницами.

— Я же не знал, какой у тебя размер. Продавщица обещала обменять, если не подойдет. Вот видишь, подошло! — Данила оторвал веревку с биркой. — Ты целыми днями носишь чужие кольца, а теперь будешь носить свое!

Проходящая мимо Ксюша явно понимала, что дальше ей придется справляться самой. Она вела уже третью пару молодоженов с гостями мимо двоих, которые, казалось, не замечали никого вокруг, глядя друг на друга одинаковыми зелеными глазами.

— Подожди, как же так? Как ты с утра узнал, что встретишь меня и не пойдешь на свадьбу?

— Да нет, не из-за тебя! — смутился Данила.

***

Этим утром он вышел из дома при полном параде. Надо купить цветы, зайти за Пашкой — тот жил этажом выше — а потом ехать за невестой. Но во дворе он обнаружил коробку, в которой мяукал совсем крошечный котенок, не больше трех недель от роду. На морозе. Он не выглядел замерзшим — похоже, оставили его совсем недавно.

Данила долго не раздумывал, отнес коробку к себе. Котенок оказался таким маленьким, что не умел есть сам, пришлось найти пипетку и вливать молоко по каплям. Было ясно: оставлять малыша надолго нельзя. Покормив его, Данила положил котенка в коробку на свернутый плед, поставил поближе к батарее и позвонил Пашке. Прикинули, что церемония займет около двух часов. Сразу после нее он помчится домой проверять котенка и снова поить его молоком. Банкет придется пропустить.

— Сегодня какой-то судьбоносный день. Сначала я нашел котенка, видимо, это был знак, а потом тебя! Мне почему-то кажется, ты хорошо относишься к котам…

Даша только кивнула, ей казалось, что это действительно знак. Но она никак не могла уложить в голове все эти события, проносившиеся вихрем, и решила все-таки уточнить:

— А кольцо? Получается, ты зовешь меня в загс?

— Нет, загс — это не мое! Только дворец! Твой дворец!

«Он не в курсе, что я здесь первый и единственный день», — доходило постепенно до Даши.

Более того, Данила не знал, что завтра Даша возвращается в Москву.

Или не возвращается?

Кресло

В ее жизни откуда-то взялось море свободного времени. Нет, она, конечно, знала, откуда. Успешная защита кандидатской дала ей, наконец, возможность выдохнуть. Если бы она протянула еще немного, скорее всего, ничего бы не состоялось, ведь через месяц после защиты диссертационный совет в институте был распущен.

От самого института тоже мало что осталось: денег в 1991 году совсем не платили, и многие разбрелись кто куда. Ей повезло, сработала актуальность темы, и она перешла в коммерческую структуру. Не пришлось менять даже направление. Все та же ядерная геофизика, только зарплата большая и работать можно дома, не отвлекаясь на болтовню коллег, посторонние звонки и непродуктивные планерки. Рабочий график можно строить как нравится. И вот оно — свободное время.

Июль. Тепло и безветренно. Поработав до полудня, она решила прогуляться. Пусть сегодня это будет Петропавловская крепость. От дома до Заячьего острова ровно час обычным шагом, но туда она решила добраться на метро, а уж обратно вернуться пешком.

Торопиться домой было ни к чему. Ее никто не ждал. Так уж получилось, что одновременно с защитой и переходом на другую работу она еще и развелась. Семейная жизнь исчерпала себя, не оставив даже сожаления. А может быть, просто растворилась в череде перемен.

На Иоанновском мосту она глянула на Малый пляж, весь заполненный телами загорающих, и прошла дальше, в крепость. Ей хотелось посмотреть новый памятник Петру, который установили месяц назад. Столько о нем сказано, но лучше увидеть своими глазами.

И правда, впечатление от работы Шемякина оказалось сложным. Неожиданные пропорции, бритая голова, длинные пальцы... Но главное было не в этом. Напряженная поза Петра, прямые углы, господствующие в образе, о чем-то напоминали.

«А ведь мое рабочее кресло совсем как у императора! Нет, попроще, конечно, но такое же некомфортное и с громоздкими квадратными подлокотниками, из-за которых не получается удобно придвинуться к столу». Она смотрела на памятник и думала, что ей теперь тоже придется много работать дома. Что ж, настало время купить новое кресло! Хотя бы такое, как было у нее на работе — на колесиках. И чтобы позволяло мягко откинуться на высокую спинку с подголовником. Будет, конечно, смахивать на офис, но зато сидеть удобно.

Она заглянула в сумку. В кармане под молнией лежала зарплата, выданная вчера: несколько пачек трехрублевых купюр, по сто штук в каждой. Было бы прекрасно расстаться с ними по такому поводу. Нестерпимо захотелось сделать это прямо сейчас. Но она что-то не могла припомнить мебельного магазина поблизости, поэтому решила вернуться домой и посмотреть в справочнике.

Перейдя через Троицкий мост, она отправилась не домой, а по Садовой — до Апраксина двора, чтобы заглянуть в комиссионный, где продавалась электроника: настольная лампа ей тоже необходима. Но первое, что бросилось в глаза, когда она вошла в магазин, было кресло.

Казалось, оно попало сюда с другой планеты. Из черной кожи, круглое, но вытянутое, вращающееся на блестящей стальной крестовине. Что это: поп-арт, хай-тек? Было ясно: нельзя уйти без него, ведь это комиссионка. Как появилось случайно, так и исчезнет навсегда.

— Заинтересовало? Дания, Арне Якобсен, «Яйцо», сегодня сдали, — продавец заметил ее взволнованность. — Берите! Оригинал — в художественных музеях мира! Цена такая, потому что вот здесь, слева, чуть потерто.

— А как я его повезу? У меня машины нет.

— Вообще-то мы доставку не делаем, но вы Вадика попросите. Он здесь часто халтурит, — продавец указал на молодого человека в джинсах, который уже направлялся к ним.

— Классная штуковина, в мою машину влезет, не волнуйтесь, — голос Вадима звучал уверенно и спокойно. — Четвертая Советская? Это рядом. Я пойду вещи из багажника переложу в салон.

Расплачиваясь в кассе пачками трехрублевок, она оглянулась и только сейчас заметила торшер, стоящий рядом с креслом. Ей понравилось, как все это смотрится вместе.

«Раз уж платить за доставку, почему бы не прикупить и светильник тоже?»

Однако оказалось, что в «семерку» Вадима мог поместиться только торшер. И то, если разложить заднее сиденье. Арне Якобсон не влезал в багажник, потому что крестовина не откручивалась.

— Что же делать? Вы же сказали…

— Ну, если бы одно кресло, то можно было бы как-то закрепить и везти в открытом багажнике. — Вадим безуспешно пытался задвинуть поглубже выпирающие круглые боковины. — Я не ожидал, что вы еще и торшер купите.

Он поднял голову и перехватил ее взгляд:

— Погодите, рано плакать! Вас как зовут?

— Сандра. И я не плачу, — она заметила, что Вадим слишком долго не отводит от нее глаз, при этом стоит, неудобно согнувшись.

— Слушайте, я сказал доставлю, значит доставлю, — он вытащил кресло, поставил на асфальт, захлопнул багажник и запер машину ключом.

Сандра поняла, что они никуда не едут, и снова постаралась сдержать подступившие слезы.

— Значит так. Вы понесете торшер, он нетяжелый. А я понесу кресло.

— Куда понесу?

— На Четвертую Советскую. Вы же там живете? Три километра примерно, погода хорошая, с остановками донесем!

Выхода не было. Сандра перекинула через плечо ручку сумки, как почтальон, и взялась за стойку торшера. Вадим обхватил кресло руками, чуть сместил его вбок для обзора, и они двинулись в сторону набережной Фонтанки.

Пройти удалось немного, лишь пару домов. Сандра видела, как постепенно до дрожи напрягаются мышцы молодого человека, старавшегося поначалу идти быстро и непринужденно. Видела, с каким трудом ему приходится держать громоздкий округлый предмет. Понимала, что он вообще не знает, что там у него под ногами, потому что смотреть может только вперед. Ее уже перестал смущать собственный странный вид: девушка, идущая с торшером по центру Ленинграда. Она так прониклась состоянием Вадима, что лишь старалась не пропустить момент, если понадобится его подстраховать.

Вадим опустил кресло, встряхнул руками и перевел дыхание. Сандре показалось, что он уже сам не верит в эту странную затею и старается не смотреть ей в глаза, поэтому она предложила:

— А давайте я возьмусь за ножки, а вы — за спинку, потащим вместе. Вам, правда, придется взять торшер в левую руку, но он легкий.

— Я же сказал, что сам донесу. Значит, так и будет!

Вадим постоял еще пару минут, потом неожиданно подхватил кресло и положил его сиденьем себе на голову, придерживая руками с боков. Нагрузка распределилась равномернее. Теперь он мог смотреть не только вперед, но и под ноги.

— Ну вот, сейчас нормально. Как это я сразу не догадался? Погнали! Так и разговаривать можно… Вот интересно, откуда у вас такое имя?

— Имя обычное — Александра. Просто мой бывший муж тоже был Сашка. С тех пор я себя так и называю.

— Бывший? Это хорошо.

Они понемногу приближались к Фонтанке, разговаривая о разном.

— Давайте еще отдохнем, — Сандра не очень устала, но беспокоилась за Вадима. — Вон хорошее место — у памятника Ломоносову.

В сквере они посидели на лавочке, поставив предметы интерьера рядом.

— С этим фонарем вы похожи на Диогена, который искал человека, — засмеялся Вадим.

— Да уж, Диоген проповедовал аскетизм и независимость от внешних обстоятельств, — подхватила Сандра. — Однако я не знаю, кто вы, но явно не шофер. Чем занимаетесь?

— Физику преподаю в Политехе, почти ничего не платят, а поскольку я не аскет, вот и приходится калымить. Вставайте, нам теперь вдоль набережной.

Когда поднялись на мост рядом с «Юношей, берущим коня под уздцы», Вадим опустил кресло. Сандра удобно туда уселась и осмотрелась. Если бы ей не пришла в голову идея срочно купить кресло красивее, чем у самого императора, она никогда бы не увидела и не почувствовала свой город таким, каким видит и чувствует его сейчас. Прохожие, которые оглядывались на нее, совершенно не смущали, тем более что в глазах людей читалось лишь веселое удивление.

Тащиться по Невскому Сандре не хотелось — слишком многолюдно. Она предложила путь в обход, по улице Жуковского. Так можно сразу выйти к Октябрьскому залу, а там уж до дома останется всего двести метров. Путь оказался непростым: переход через Невский проспект и длинный прогон по Литейному, а когда, наконец, свернули на Жуковского, к ним приблизился молодой парень:

— Тикета́ на «Машину» нужны?

— На какую машину? Нет, не нужны, тут осталось немного, — не понял Вадим.

Сандра рассмеялась:

— Это он билеты предлагает. Сегодня в Октябрьском «Машина времени»!

Окрыленные тем, что осталось недалеко и по прямой, они зашагали дальше, но на подходе к концертному залу поняли, что прогулка на этом не заканчивается. Толпа прибывала, площадь была оцеплена милицией, пройти дальше разрешалось только по билетам.

Сандра подошла к капитану, показала паспорт с пропиской и попросила пропустить: ее дом был уже совсем рядом. Но капитан отрицательно покачал головой:

— Если бы вы с пустыми руками шли — еще туда-сюда, а так, нет и не просите! Только в обход по Лиговскому! Еще бы двуспальную кровать принесли!

Сандра посмотрела на Вадима.

— Ну значит не двести метров, а восемьсот. Теперь уже без разницы, — улыбнулся он ей, — только я умираю от голода. А ты?

— У меня в морозилке есть сосиски, будешь? — неуверенно предложила Сандра.

— Люблю сосиски! И, кстати, ты еще не рассказала, зачем тебе понадобилось это кресло.

Моя Венеция

Вероника сегодня в школу не пошла. Конец мая — уроки по расписанию еще есть, но годовые оценки проставлены. К тому же завтра ее день рождения. Надо придумать, что надеть, скинуть друзьям адрес ботанического сада, в котором будет биологический квест и угощение. К тому же мама обещала помочь выкрасить часть волос в зеленый цвет. Для этого, правда, пришлось поднажать на учебу, такое было условие: чтобы голова к лету позеленела, количество пятерок должно превышать количество четверок.

А послезавтра начнется лето. Они с дедом поедут на дачу. На три месяца. Какое счастье!

Там можно собирать насекомых. В прошлом году удалось добыть больше семидесяти видов; первым был березовый пилильщик, найденный под сиренью. Дохлый, но прекрасно сохранившийся. После этого Вероника начала внимательно смотреть вокруг себя, и экспонаты стали сами попадать в ее руки.

Родители привезли ей сачок — так понравилось им ее новое увлечение. Но сачок сразу же отправился в сарай. Вероника не собиралась никого ловить и убивать. В том-то и дело: хотелось собирать только насекомых, которые распрощались с жизнью без ее участия. Она осматривала поленницу дров, — там однажды нашелся шершень, раздвигала траву под душистыми цветами — в результате несколько видов отлично сохранившихся шмелей с брюшками разных цветов пополнили ее коллекцию.

Вероника думала обо всем этом, разбирая свои прозрачные пластиковые коробочки. Она выбрасывала остатки сухих прошлогодних растений и насекомых, которые не пригодились для большой коллекции — та в красивой раме красовалась на стене. Дверь ее комнаты была открыта, и она слышала, как родители о чем-то перешептываются. «Родители» — так мысленно называла Вероника маму и Влада, отчима. В их голосах девочка слышала еле скрываемую радость. Из обрывков фраз она поняла, что речь идет о завтрашнем подарке.

«Не может быть! Неужели наконец-то подарят щенка?! Мама несколько лет не соглашалась, но ведь завтра мне уже двенадцать, я прекрасно справлюсь! И мы сразу поедем на дачу! И будем гулять со щенком в лесу и ходить на речку!» — от этих мыслей Веронике было уже не до насекомых. Она пошарила за стоящими в шкафу коробками с обувью и вытащила новенький красный поводок с заклепками, который там тайно хранила. Поводок она купила в прошлом году на свои карманные деньги, но он тогда не пригодился.

Когда мама ушла в магазин, Вероника отправилась к Владу выспросить у него, о чем это они секретничали, но он только улыбался: «Это будет сюрприз!» Стало понятно, что она не ошиблась, и девочка закружилась по квартире, напевая себе под нос.

***

На следующее утро Вероника проснулась рано и пошла искать сюрприз. Живое существо сложно утаить в квартире, но она никого не обнаружила. «Наверное, у родителей в спальне», — подумала она и пошла к себе ждать, когда все проснутся.

И вот, наконец, они пришли к ней в комнату. Мама держала в руках небольшую коробку. У Вероники оборвалось сердце. В такой упаковке мог поместиться только совсем крошечный щенок, но она все еще надеялась: возможно, там кто-то карликовый…

В коробке оказался конверт, щедро засыпанный конфетами: «Рафаэлло». Может быть, в конверте адрес, по которому надо забрать щенка?

— Ну открывай скорее, читай! — мамины глаза ждут, как дочка отреагирует на подарок.

— Что это? Какие-то билеты на самолет? Зачем? — Вероника возвращает коробку маме.

— Глупышка! Это же путешествие! Завтра мы втроем улетаем в Венецию! На две недели! Влад там несколько раз бывал, он все нам покажет. Ура?

По выражению лица Вероники родители понимали, что не ура.

— Ну в чем дело? — мама не могла сдержать досады. — Любой ребенок обрадовался бы поездке в Италию! Ты же давно нигде не была, а там каналы, мостики, катание на гондолах!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.